

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИСХОДНОГО И ПЕРЕВОДНОГО ТЕКСТОВ В СООТНОШЕНИИ С ПОНЯТИЕМ ПОЭТИЧНОСТИ

Н.В. Шутёмова

Аннотация. Рассматриваются возможности сопоставительного анализа исходного и переводного текстов (ИТ и ПТ) с точки зрения репрезентированности поэтичности оригинала в принимающей культуре. Понятие поэтичности соотносится с философским понятием сущности и определяется как типологическая доминанта художественного текста, представляющая собой единство его типологических свойств, к которым, исходя из специфики художественной деятельности и принципа целостности текста, отнесены идейность, эмотивность, образность и художественная языковая форма. Репрезентация поэтичности ИТ в ПТ рассматривается как один из возможных принципов сопоставительного анализа, используемого в теории, практике, критике, дидактике и истории художественного перевода. Методологически исследование опирается на составляющие теоретическую поэтику концепции, разработанные с философских, эстетических, лингвистических и литературоведческих позиций, а также на современные когнитивно-дискурсивные, деятельностные, герменевтические теории перевода. Характеризуются этапы сопоставительного анализа, в качестве примера которого исследуется поэтичность сонета LXVI Шекспира в единстве его идейности, эмотивности, образности, своеобразия формы; рассматривается транслированность свойств стихотворения в переводах В.Г. Бенедиктова и Б.Л. Пастернака. На этапе изучения сущности ИТ определяется, что его идейно-эмотивную основу составляет чувство смертельной усталости, вызванное происходящим в обществе обесцениванием вечных ценностей, что реализуется в системе образов, основанной на олицетворении и оппозиции, и объективируется в сонете шекспировского образца, главными принципами индивидуальной организации которого являются обрамление, полисиндетон, синтаксический параллелизм, антитеза и метафоричность. На этапе сопоставления оригинала и русских переводов делается вывод о степени репрезентированности целостности и сущности ИТ в переводных текстах, на основании чего они отнесены к разным типам поэтического перевода. Выявлено, что наиболее полно сущность ИТ репрезентирована в переводе Б.Л. Пастернака, консонансно передающем идейность, эмотивность, образность и специфику художественной формы сонета, в то время как в переводе В.Г. Бенедиктова сущность оригинала получает диссонансное «преломление» вследствие изменения его эмотивности, редукции основных характеристик формы ИТ, конкретизации, детализации и дополнительного развития его образности, характеризующейся лаконизмом и абстрактностью. Обрисовывается перспектива применения сопоставительного анализа ИТ и ПТ в соотношении с понятием поэтичности в переводоведении.

Ключевые слова: художественный перевод; сущность; типологическая доминанта текста; поэтичность; идейность; эмотивность; образность; ху-

дожественная форма; сопоставительный анализ ИТ и ПТ; «преломление».

Введение

Сопоставительный анализ исходного и переводного текстов (ИТ и ПТ) является одним из основных методов, традиционно используемых в теории, практике, историографии, критике и дидактике перевода. В качестве принципа сопоставления избираются различные аспекты формы и содержания оригинала в зависимости от его типологических свойств и поставленных в исследовании целей. Сложность поэтического текста, характеризующегося антиномиями максимума смысла и минимума формы, спонтанности и высокой степени организованности, обуславливает многообразие переводческих проблем, которые в значительной мере определяют выбор основы для сопоставления ИТ и ПТ. Они зависят от специфики художественного перевода в целом и поэтического перевода как его вида в частности, отличаются от трудностей других типов перевода, например научного, официально-делового, публицистического текста. Так изучается репрезентация стилевых атрибутов ИТ, его ритмики (включая метр, размер, рифмику), рисунка внутристиховых и межстиховых, внутри- и межстрофических связей, художественных образов, концептосферы, интертекстуальности, имплицитированных смыслов [1–12].

Ключевой проблемой поэтического перевода, повлиявшей на возникновение представления о его невозможности, является передача целостности оригинала в ПТ. При этом невозможность сохранения всех особенностей формы и содержания ИТ вследствие субъективно-объективного характера процесса понимания, гетерогенности языков, литературных традиций, культур, сознаний автора и переводчика обуславливает необходимость выявления основных свойств оригинала для их воссоздания на языке перевода и выполнения сопоставительного анализа с точки зрения их репрезентированности в ПТ, что определяет актуальность проводимого исследования. Такой подход представляется нам особенно важным, поскольку предполагает обращение к понятию сущности и позволяет исследовать художественный перевод как творческую деятельность по репрезентации сущности оригинала в принимающей культуре. В данной статье мы рассмотрим возможности использования понятия сущности в качестве принципа сопоставительного анализа ИТ и ПТ.

Методология

Основой исследования являются, с одной стороны, концепции, составляющие теоретическую поэтику и разработанные с позиций фи-

лософии, эстетики, лингвистики и литературоведения (Аристотель, Р. Барт, М.М. Бахтин, Н. Буало, А.Н. Веселовский, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, М.Л. Гаспаров, В.М. Жирмунский, Ю.В. Казарин, И.И. Ковтунова, Ю.М. Лотман, А.А. Потебня, Б.В. Томашевский, Ю.Н. Тынянов, Б.М. Энгельгардт, Р.О. Якобсон и др.). С другой стороны, мы опираемся на достижения современного переводоведения, в котором продолжает изучаться языковой аспект перевода, развивается философия перевода и с общих когнитивных позиций создаются деятельностная, когнитивно-эвристическая и психосемиотическая теории перевода (Н.С. Автономова, Л.М. Алексеева, В.В. Бибихин, Н.Л. Галеева, Т.А. Казакова, А.Г. Минченков, Ю.А. Сорокин, Т.А. Фесенко). Сложностью поэтического текста объясняется необходимость применения комплексной методики исследования, основанной на сочетании дискурсивного, герменевтического, когнитивного подходов. При определении его сущности основными стали следующие виды анализа: культурологический, структуральный, стиховедческий, семантический, контекстуальный, стилистический, интерпретационный. Сопоставительный анализ используется для изучения репрезентированности сущности ИТ в ПТ.

Исследование и результаты

Прежде всего необходимо отметить, что поиск основных свойств оригинала и способов их репрезентации при переводе составляет один из лейтмотивов метатекстов-комментариев, созданных самими переводчиками на протяжении многовековой истории художественного перевода. Главные свойства оригинала получают в них интересную трактовку, основанную на ценном личном переводческом опыте, однако преимущественно образную, описательную, интуитивную. Например, они определяются как «аромат» [13. С. 184], «дух» [14. С. 173], «поэтическая правда» [15. С. 424], «тайная гармония» [16. С. 71]. Решая вопрос трансляции целостности оригинала, Н. Гумилёв подчеркивал необходимость репрезентации формы оригинала, поскольку считал ее «единственным средством выразить дух» [17. С. 28], поэтому в разработанных им заповедях переводчику рекомендуется сохранять ритм и число строк оригинала, характер его словаря и тип используемых в нем сравнений, а также рисунок тона [Там же. С. 33]. Например, М.Л. Лозинский, считавший поэтический перевод невыполнимой задачей, успех решения которой зависит от меры приближения «к недостижимой цели», полагал важным передать эстетическую ценность, атмосферу, эмоциональный эффект, смысловое содержание, стиль и ритм подлинника [18. С. 94–106].

В общей теории перевода поэтический текст плодотворно использовался в качестве удобного материала, иллюстрирующего, с од-

ной стороны, переводческие универсалии, с другой – переводческие приемы. В специальной теории сложилась традиция интерпретации свойств оригинала прежде всего в стилистическом аспекте в связи с понятиями функции языкового знака [11], стилистической эквивалентности, стилистического сдвига [6]. В современной научной парадигме художественный перевод рассматривается в связи с фундаментальными проблемами понимания и творческого мышления с позиций философии, когнитивистики, герменевтики, культурологии, теории игры, что приводит к значительному расширению его концептуальной сферы, включающей понятия эвристики, асимметрии, аналогии, гармонии, интерпретации, понимания, рефлексии, переводящей личности, смысла, подтекста, интертекстуальности, эвристики, игры, деструктемы и др. [2–4, 19–34].

В деятельностной теории художественного перевода Н.Л. Галеевой предметом рассмотрения становятся типологические свойства оригинала: содержательность, художественность, переводческая трудность. В психосемиотической теории художественного перевода Т.А. Казакова анализирует такие информационные свойства художественного текста, как информативность, информационная насыщенность и информационная ценность. В сопоставительном аспекте рассматривается концептосфера ИТ и ПТ [7, 9, 10, 45–48]. В современной науке переосмысляются понятия точности и переводческих универсалий, разрабатываются идеи межсемиотического и коллаборативного перевода, продолжают изучаться межлитературные переводческие связи, а когнитивные процессы характеризуются в соотношении с процессами цифровизации [49–57].

При обращении к понятию сущности, вводимом нами в методику сопоставительного анализа ИТ и ПТ, мы исходим из его философской трактовки как системы свойств объекта, составляющих специфику последнего. При определении сущности поэтического текста мы учитываем его целостность как единство формы и содержания, а также специфику художественной деятельности человека, в процессе которой поэтический текст генерируется, включающей в себя художественное познание ценностного аспекта отношения «человек – мир», его образное осмысление и языковую объективацию по принципам искусства. На данных основаниях мы полагаем возможным выделить такие типологические свойства поэтического текста, в единстве составляющие его отличие от других типов текста, как идейность, эмотивность, образность, художественная языковая форма. В системе данные свойства образуют типологическую доминанту поэтического текста, которая в философском аспекте трактуется нами как его сущность. Для обозначения типологической доминанты поэтического текста мы используем обладающий прозрачной внутренней формой термин «поэтичность»,

что не противоречит традиции, заложенной в теоретической поэтике и практике перевода. С логической точки зрения он позволяет именовать качество объекта (художественность или научность) по связи с термином, обозначающим данный объект (художественный или научный текст), и наоборот: именно обладание определенным качеством (например, художественности или научности) позволяет именовать объект (соответственно художественный или научный тип текста). Таким образом, поэтичность является типологической доминантой поэтического текста, представляющей собой единство его типологических свойств идейности, эмотивности, образности и художественной языковой формы. Поэтичность имеет сущностный статус и составляет отличие поэтического текста от других типов текста. В то же время понятие поэтичности является видовым по отношению к родовому понятию художественности, представляющей собой «сложное сочетание качеств, определяющее принадлежность плодов творческого труда к области искусства» [58. С. 489].

Сопоставительный анализ в соотношении с понятием поэтичности нацелен на изучение репрезентированности сущности оригинала в принимающей культуре, что предполагает рассмотрение транслированности типологических свойств ИТ в ПТ. В целом он включает этапы исследования сущности оригинала, анализа способов и результатов ее передачи в ПТ.

Первый этап сопоставительного анализа, нацеленный на определение поэтичности оригинала, предполагает освоение культурного и эстетического контекста оригинала, что означает изучение творческого пути автора, социально-культурного фона его жизни, художественного направления и периода, к которым относится его творчество, роли ИТ в эволюции художественной деятельности автора. Кроме того, на данном этапе анализируются идейность и эмотивность, образность и художественная форма как типологические свойства оригинала, в единстве составляющие его сущность. Необходимо отметить, что ее освоение предполагает погружение на глубинный уровень ИТ через восприятие и анализ его поверхностного уровня, подчиняясь закономерностям эстетического восприятия и понимания художественного произведения, которые протекают в направлении от формы к содержанию, в отличие от процесса текстопорождения, который имеет обратное направление – от генерирования идейно-эмотивной основы при художественном познании и образном осмыслении ценностного аспекта отношения «человек – мир» к художественной языковой объективации созданной индивидуально-авторской концепции. Таким образом, освоение сущности ИТ включает анализ художественной языковой формы оригинала в ее знаковом и структурном аспектах, системы образов произведения и его идейно-эмотивной основы. Итогом первого этапа сопоставительного анализа ИТ и ПТ является определение поэтичности оригинала.

На втором этапе сопоставительного анализа ИТ и ПТ рассматриваются способы и результаты репрезентации сущности оригинала при переводе, что включает изучение идейности, эмотивности, образности и специфики художественной вербальной формы ПТ, их сопоставление с типологическими свойствами ИТ. При этом логика рефлексивного освоения ИТ и ПТ совпадает и охватывает следующие стадии:

1) изучение знакового и структурного аспектов поверхностного уровня ПТ в соотношении с художественной формой оригинала;

2) выявление специфики системы образов в ПТ с точки зрения репрезентированности образности ИТ;

3) определение идейности и эмотивности ПТ в соотношении с идейно-эмотивной основой оригинала.

Итогом сопоставительного анализа является заключение о степени репрезентированности поэтичности оригинала в ПТ и отнесение последнего к соответствующему типу перевода.

Рассмотрим возможности сопоставительного анализа ИТ и ПТ в соотношении с понятием поэтичности на примере сонета LXVI Шекспира, получившего разнообразную интерпретацию в русских переводах. Для выполнения сопоставительного анализа ИТ и ПТ необходимо отметить, что сонет является жанром художественной литературы, получившим распространение в эпоху Возрождения и вошедшим в английскую ренессансную культуру благодаря новаторским эстетическим поискам Т. Уайета и Г. Серрея, запечатленным в Тоттлевском сборнике 1557 г. Поэты считаются реформаторами английской литературы: они адаптировали европейскую ритмику к нормам английской поэзии, заимствовали терцины Данте и октаву Боккаччо, преобразовали сонетный канон Петрарки, который делил стихотворение из четырнадцати строк на два катрена и два терцета с рисунком рифмы *abba abba cdc dcd* (или *cde cde*). Если Т. Уайет выделил заключительный куплет, то Г. Серрей ввел перекрестную рифму, что в свою очередь привело к образованию на базе итальянского канона и материале английского языка новой сонетной формы У. Шекспира (*abab cdcd efef gg*), от которой впоследствии отошел У. Вордсворт, вернувшийся к форме сонета Петрарки.

Сонеты У. Шекспира относятся к периоду 1592–1600 гг. и свидетельствуют об эволюции художественных поисков английских поэтов в области сонетного жанра. Впервые они были опубликованы в 1609 г. книгоиздателем Т. Торпом. Идейно-эмотивную основу сонета LXVI составляют трагические мысли и глубокие переживания лирического героя (с которым, вероятно, отождествляет себя автор), находящегося в состоянии когнитивного диссонанса, смертельной усталости и отчаяния, вызванных осознанием происходящего обесценивания вечных ценностей, что является одной из актуальных, «вечных», тем мировой культуры:

LXVI

Tired with all these, for restful death I cry, –
As, to behold Desert a beggar born,
And needy Nothing trimm'd in jollity,
And purest Faith unhappily forsworn,
And gilded Honour shamefully misplaced,
And maiden Virtue rudely strumpeted,
And right Perfection wrongfully disgraced,
And Strength by limping Sway disabled,
And Art made tongue-tied by Authority,
And Folly, doctor-like, controlling Skill,
And simple Truth miscall'd Simplicity,
And captive Good attending captain Ill:
Tired with all these, from these would I be gone,
Save that, to die, I leave my love alone.

[59. С. 76, 78]

Художественная идея автора реализуется в системе образов, моделирующей его представление о торжестве несправедливости над праведностью в современном мире. С одной стороны, система образов характеризуется генерализованностью и абстрактностью, включая образы ценностей и заменивших их антиценностей: «Faith» (вера), «Honour» (честь), «Perfection» (совершенство), «Truth» (правда), «Virtue» (добродетель), «Good» (добро), «Skill» (мастерство), «Art» (талант), «Simplicity» (простота), «Folly» (глупость), «Nothing» (ничтожество), «Authority» (власть). С другой стороны, для системы образов сонета характерно олицетворение: вечные ценности осмысляются лирическим героем в качестве жертв грубости, глупости и других пороков.

Идейность, эмотивность, образность ИТ воплощаются в стихотворении сонетного жанра шекспировского образца, характеризующегося жесткой композиционно-тематической структурой и фиксированным рисунком рифмы. Он включает три катрена с перекрестной рифмой и ключ, оформленный парной рифмой. Тема смертельной усталости, прямо номинированная в зачине, развивается в виде перечисления неприемлемых для лирического героя явлений, достигает своей кульминации и получает сюжетно-эмоциональный перелом в ключе, разрешаясь в финальном стихе. При этом в качестве основных принципов вербализации художественной идеи и эмотивности произведения можно отметить целый комплекс стилистических средств, включающий обрамление, сопровождаемое инверсией, синтаксический параллелизм, полисиндетон и анафору. Обрамление перечислительного ряда актуализирует семантику повторяющихся и различающихся компонентов зачина и ключа сонета. Так, с помощью анафоры в обрамляющих стихах актуализируется семантика оборота «tired with all these», открыва-

ющего и завершающего перечислительный ряд. За счет актуализации семантики прилагательного «tired», обозначающего состояние физической и психической усталости («*adj* weary in body or mind») [60. Т. II. С. 403], указательного местоимения «these» в сочетании с местоимением «all» подчеркивается великое множество негативных явлений, осознание которых приводит к бесконечной душевной и физической усталости и вызывает у лирического героя желание умереть («for restful death I cry»), поскольку смерть видится отдохновением. Эта мысль передается и с помощью полисиндетона: перечисление всего негативного посредством десятикратного повтора союза «and» создает эффект нагнетания, служит средством эмфатизации лаконичного и емкого высказывания, способствуя выражению состояния бессилия от осознания масштабности попраания всего чистого, доброго, умного, прекрасного. Этому способствует и синтаксический параллелизм, являющийся в единстве с полисиндетоном дополнительным средством организации ритмики основной части сонета, актуализации семантики сопоставляемых лексических единиц, организации межстиховых связей, смыслового со- и противопоставления стихов.

С одной стороны, синтаксический параллелизм актуализирует олицетворение и употребление глаголов в форме пассивного залога, выражающего идею подавления всего позитивного. С другой стороны, синтаксический параллелизм способствует актуализации семантики противопоставляемых оценочных эпитетов, характеризующих отношение лирического героя к наблюдаемому и, вероятно, авторскую оценку.

Так, осмысление происходящего в обществе отречения от веры передается с помощью пассивной формы глагола «forswear», означающего действия, связанные с отказом, отрицанием даже под присягой, лжесвидетельством, нарушением клятвы («give up doing or using (sth)») [Там же. Т. I. С. 340]. При этом существительное «Faith» (Вера) наделяется метафорическим эпитетом, выраженным прилагательным в превосходной степени «purest» («чистейшая»), обозначающим высшую степень нравственности («clean; without evil or sin») [Там же. Т. II. С. 174] и высочайшую оценку лирическим героем, поэтому отречение от веры ассоциируется с глубоким личным несчастьем, что вербализуется наречием «unhappily» (к несчастью), производным от прилагательного «happy» и имеющим противоположную ему семантику. В отличие от членов синонимического ряда («glad, joyful, joyous, happy, cheerful, light-hearted») [61. С. 186], «happy» характеризует в значительной мере личную интенсивную эмоцию, вызванную событием, которое касается самого субъекта, и связанную с реализацией его целей и заветных желаний, сопровождаемую «ощущением абсолютной полноты и красоты жизни» [Там же]. Соответственно наречие «unhappily» обозначает переживаемую лирическим героем сильную эмоцию, возникшую в связи

с событием, которое касается его персонально, связано с неосуществленностью его заветных устремлений и сопровождается ощущением пустоты и безобразности жизни.

Мысль об унижении чести и достоинства актуализируется посредством синтаксического параллелизма с помощью пассивной формы глагола «misplace», который имеет значения «положить, поставить не на место» («put in a wrong place»). При этом восхищение честью и достоинством, уважительное отношение к ним выражаются с помощью оценочного эпитета «gilded», уточняющего абстрактное существительное «Honour» и подчеркивающего высокую ценность этого качества для лирического героя («precious, excellent, important») [60. Т. I. С. 372]. В то же время синтаксический параллелизм актуализирует его противопоставленность оценочному эпитету, выраженному наречием «shamefully», которое обозначает позорный, постыдный, противоположный достойному образ действия («with distressed feeling, loss of self-respect, caused by wrong, dishonourable or foolish behaviour, failure, etc») [Там же. Т. II. С. 280] и репрезентирует авторское неприятие и осуждение происходящего.

Аналогично выражается мысль о грубом попрании добродетели: синтаксический параллелизм актуализирует семантику причастия «strumpeted» и сопоставленных эпитетов «maiden» и «rudely», репрезентирующих контраст в авторской оценке. Посредством синтаксического параллелизма и пассивной конструкции выражается и мысль о несправедливости опалы в высшей степени достойного, прекрасного («Perfection»), получающего в сонете олицетворение. При этом контекстуальное значение абстрактного существительного «Perfection» уточняется посредством эпитета «right», выражающего позитивную оценку совершенства, которому приписываются качества высокой нравственности и истинности («morally good», «true, correct») [Там же. С. 226]. Синтаксический параллелизм актуализирует семантику употребленного в форме пассивного залога глагола «disgrace», означающего унижение, поправление чести («bring loss of respect, favour, reputation on») [Там же. С. 246]. Дополнительные смыслы репрезентируются оценочным наречием «wrongfully», которое выражает осуждение несправедливости лирическим героем.

Кроме того, посредством синтаксического параллелизма, пассивной конструкции, антитезы, олицетворения, а также аллитерации щелевого шумного однофокусного апикально-альвеолярного согласного /s/ актуализируется семантика контекстуально противопоставляемых абстрактных существительных «Strength» и «Sway». Понятие силы («Strength») трактуется в англоязычных толковых словарях как качество, заключающееся в способности выстаивать физически и психологически («power to resist; not easily hurt, injured, broken, captured, etc.;

...great power of body or mind») [60. Т. II. С. 354]. В данном контексте оксюморон «Strength disabled» репрезентирует смысл ослабления, утраты, «обессиливания» силы. При этом номинация причины этих процессов характеризуется многозначностью.

С одной стороны, существительное «Sway» обозначает действие колебания («cause to move, first to one side and then to the other; swing») [Там же. С. 369], что может трактоваться не только в физическом, но и в переносном плане (например, при описании внутренних колебаний человека), и в данном контексте интерпретироваться в качестве референции к психологическим факторам как внутренним причинам происходящего. С другой стороны, данное существительное имеет значение «власть, правление, влияние» («control or influence; govern the direction of») [Там же], что в условиях контекста может указывать на внешние негативные факторы. Полагаем, что основанный на олицетворении контекст актуализирует емкую семантику данного существительного. Отметим, что оно производно от глагола «to sway», который входит в два синонимических ряда: 1) affect, influence, sway; 2) swing, sway, waver, oscillate, undulate. В первом ряду, имеющем общее значение «воздействовать на объект таким образом, что это вызывает изменения в его поведении, состоянии или свойствах» [61. С. 25], синонимы различаются такими смысловыми признаками, как характер воздействия, его намеренность или ненамеренность, глубина и сила, результат и предшествующее состояние. Глагол «to sway» обозначает «непосредственное или опосредованное, чаще всего намеренное воздействие на объект, предшествующее состояние или поведение которого сильно отличается или прямо противоположно тому состоянию [поведению], которое возникает в результате воздействия» [Там же].

С одной стороны, это отличает глагол «to sway» от глагола «to affect», являющегося доминантой ряда и обозначающего непосредственное, ненамеренное, не всегда глубокое воздействие на объект, которое приводит к нежелательному изменению состояния или поведения последнего. С другой стороны, он позволяет более точно передать смыслы трагических изменений в сравнении и с глаголом «to influence», который характеризует любые изменения объекта вследствие непосредственного или опосредованного, намеренного или ненамеренного воздействия.

Синонимы во втором ряду, обозначающем физическое движение объекта «из стороны в сторону, взад и вперед или сверху вниз» [60. С. 449], различаются следующими смысловыми признаками: амплитуда, частота, ритм, причины колебательных движений. При этом рассматриваемый глагол обозначает колебание объекта с большим наклоном в одну сторону. Данная семантика существительного «Sway» контекстуально актуализируется эпитетом «limping» («хромающий»), приобретающим в сонете переносное негативно-оценочное значение, что в

целом способствует выражению смысла трагической парадоксальности верховенства слабости над силой.

Аналогично посредством комплекса синтаксического параллелизма, пассивной конструкции, антитезы, олицетворения и аллитерации актуализируется семантика противопоставленных абстрактных существительных «Art» и «Authority», что в целом эксплицирует один из сквозных в истории человечества конфликтов между искусством, мастерством, свободой творчества, с одной стороны, и властью, цензурой, стандартом – с другой. При этом семы «созидание прекрасного» и «свобода самовыражения» являются основными в семантике существительного «Art» («creation or expression of what is beautiful») [60. Т. I. С. 43], в то время как в значении существительного «Authority» доминируют семы «приказ», «повеление» («power or right to give orders and make others obey») [Там же. С. 52]. Смыслы несвободы, зажатости, подчинения цензуре выражаются также с помощью эпитета «tongue-tied», характеризующего отношение к искусству в обществе. Отметим, что данный эпитет обладает повышенной суггестивностью, поскольку основан на взаимодействии олицетворения, аллитерации и формы причастия прошедшего времени, соответствующего в русском языке страдательному причастию.

Эти идеи развиваются и в следующем стихе, где также посредством олицетворения и антитезы в сонете актуализируется семантика противопоставленных абстрактных существительных «Folly» («foolishness, foolish act, idea or practice; ridiculous thing») [Там же. С. 333]) и «Skill» («ability to do sth expertly and well») [Там же. Т. II. С. 300]). Мысль об абсурдности доминирования глупости над мастерством, профессионализмом, наукой и негативная авторская оценка этого подчеркиваются с помощью иронического эпитета «doctor-like» и причастия настоящего времени «controlling». Ирония в данном случае основана на использовании для характеристики глупцов существительного «doctor», противоположного по значению, в котором контекстно актуализируются семы «образованность», «наличие степени, получаемой по окончании высшего учебного заведения» («person who has received the highest university degree») [Там же. Т. I. С. 255]. Идея господства глупости выражается и с помощью глагола «control», основной в значении которого является сема «власть» («have control, authority, power») [Там же. С. 187].

Аналогичным образом посредством олицетворения, антитезы, синтаксического параллелизма, страдательного залога и аллитерации в следующем стихе выражается негативное отношение лирического героя к обесцениванию такого качества, как правдивость («Truth»), которое в современном обществе ошибочно расценивается как «простоватость» и «недалекость». Эта мысль выражается посредством каламбура, который актуализирует различие в контекстуальной семантике одноко-

ренных лексических единиц: эпитета «simple» и абстрактного существительного «Simplicity». В данном контексте актуализируется положительная коннотация эпитета «simple», выражающего позитивное отношение лирического героя к правде и истине, искренности, прямодушию, правдивости («innocent; straight-forward») [60. Т. II. С. 295]. При этом однокоренное абстрактное существительное «Simplicity» имеет в данном контексте противоположное оценочное значение, выражая мысль о несправедливом отношении к честности в современном обществе как «простоватости» и «недалекости», «недостаточной развитости».

Аналогичным образом посредством полисиндетона, синтаксического параллелизма, антитезы и олицетворения противопоставляются образы добра и зла, оппозиция которых актуализируется также посредством созвучия эпитетов «captive» и «captain», образующих контекстуальные оксюмороны «captive Good» и «captain Ill», выражающих мысль о подчиненности добра злу.

Обрамление («Tired with all these») замыкает перечислительный ряд и организует ключ сонета, актуализируя семантику отличных от зачина компонентов. С помощью сослагательного наклонения («from these would I be gone») выражается стремление лирического героя покинуть этот мир, но в то же время и мысль о неосуществимости подобного желания. При этом в финальном стихе эксплицируется причина отказа от него, связанная с нежеланием оставить любимого человека наедине с жестокостью мира («I leave my love alone»).

Таким образом, на основе филологического анализа сонета можно заключить, что его идейно-эмотивную основу составляют мысль об обесценивании вечных ценностей и вызываемое им глубокое чувство смертельной усталости, что реализуется в системе взаимно противопоставленных образов и объективируется в сонете шекспировского образца, основными принципами организации которого являются обрамление, полисиндетон, синтаксический параллелизм, олицетворение и антитеза, что в целом составляет поэтичность данного сонета как его сущность.

Рассмотрим, каким образом поэтичность оригинала репрезентирована в одном из первых переводов сонета, выполненном В.Г. Бенедиктовым и датированном 1884 г. (ПТ1), а также в известном переводе Б.Л. Пастернака, опубликованном в 1937 г. (ПТ2). Сопоставление переводных текстов с оригиналом позволяет выявить, что его сущность передана в них в разной степени. Прежде всего необходимо отметить, что в ПТ1 не в полной мере репрезентирована специфика формы ИТ.

СОНЕТ 66

Я жизнью утомлен, и смерть – моя мечта.
Что вижу я кругом? Насмешками покрыта,
Проголодалась честь, в изгнании правота,

Корысть – прославлена, неправда – знаменита.
Где добродетели святая красота?
Пошла в распутный дом: ей нет иного сбыта!..
А сила где была последняя – и та
Среди слепой грозы параличом разбита.

Искусство сметено со сцены помелом;
Безумье кафедрой владеет. Праздник адский!
Добро ограблено разбойнически злом;

На истину давно надет колпак дурацкий. –
Хотел бы умереть; но друга моего
Мне в этом мире жаль оставить одного.

(Пер. В.Г. Бенедиктова) [62. С. 626–627].

Воссоздавая ямбическую основу оригинала, В.Г. Бенедиктов, однако, не передает характерные особенности сонета шекспировского образца, нарушая единство строфы и рисунок рифмы оригинала. Шекспировская строфа разделена переводчиком на четыре строфы (два катрена и два терцета), при этом рисунок рифмы ПТ1 (abab abab cdc dee) искажает рифму ИТ (abab cdcd efef gg), что в целом не передает специфики межстиховых связей оригинала, его цельности и связности, не репрезентирует новаторство эстетических поисков У. Шекспира и его предшественников, является диссонансом относительно ИТ.

Кроме того, В.Г. Бенедиктов редуцирует такие характеристики структуры оригинала, как обрамление и полисиндетон, организующие перечислительный ряд, создающие эффект нагнетания драматизма, способствующие передаче глубоко трагического мировосприятия, которое является основой эмотивности оригинала. Важно отметить, что рассматривая репрезентацию структуры произведения, мы исходим из ее не только формальной, но и содержательной трактовки как «воплощенной идеи», разработанной в структуральной поэтике Ю.М. Лотманом. В переводе, выполненном В.Г. Бенедиктовым, обозначенные свойства структуры оригинала полностью редуцированы, что диссонансно репрезентирует в принимающей культуре своеобразие художественного мышления автора.

Также ПТ1 обладает повышенной относительно оригинала интеррогативностью («Что вижу я кругом?»), «Где добродетели святая красота?») и вослицательностью («Пошла в распутный дом: ей нет иного сбыта!», «Праздник адский!»), что не репрезентирует сдержанной тональности и эмотивности оригинала, характеризующегося утвердительностью и повествовательностью.

Важно отметить, что В.Г. Бенедиктов передает олицетворение и антитезу как принцип развертывания системы образов оригинала. Од-

нако лаконизм вербального мышления автора и абстрактный характер образов в переводе В.Г. Бенедиктова частично редуцированы. Так, в ПТ1 образы добродетели, силы, безумья, истины конкретизируются, детализируются и получают дополнительное развитие, утрачивая абстрактность и лаконизм. Например, образ добродетели получает дополнительные характеристики «святость» и «красота», а идея ее поправки – более конкретизированную и развернутую, чем в оригинале, интерпретацию. Лаконичный образ обессиленной силы также приобретает в ПТ1 дополнительное относительно оригинала развитие посредством детализации («Среди слепой грозы параличом разбита»). Кроме того, интересное переосмысление в ПТ1 получает образ истины, конкретизируемый в образе шута, говорящего правду, но считающегося глупцом, над которым все потешаются («На истину давно надет колпак дурацкий»). Конкретизируется в ПТ1 и образ глупости («Безумье кафедрой владеет»), а весь образный ряд генерализируется и приобретает дополнительное развитие в оценочном метафорическом образе «праздника адского», отсутствующем в ИТ. Также более конкретизированной является и образность финального стиха, характеризующегося в оригинале неопределенностью.

В целом сопоставительный анализ ИТ и ПТ1, проводимый с точки зрения репрезентированности сущности оригинала, показал, что при переводе произошло изменение таких типологических свойств оригинала, формирующих в единстве его типологическую доминанту, как эмотивность, образность, специфика языковой художественной формы. Это означает низкую степень репрезентированности поэтичности ИТ, на основании чего ПТ1 можно отнести в диссонансному типу перевода, который сопровождается редукцией двух и более типологических свойств оригинала. С одной стороны, диссонансное «преломление» поэтичности ИТ при переводе может быть обусловлено переводческими трудностями, связанными с освоением свойств оригинала и неполным пониманием идейности, эмотивности, специфики образности и художественной формы оригинала на предпереводческом этапе. С другой стороны, диссонанс может возникать в силу переводческих трудностей, связанных с объективацией модели поэтичности оригинала, сформированной в сознании переводчика, посредством языка перевода. В целом эти переводческие трудности обусловлены гетерогенностью сознаний автора и переводчика, языков и культур.

В отличие от ПТ1 в ПТ2 поэтичность оригинала репрезентирована более полно. Прежде всего необходимо отметить, что Б.Л. Пастернак консонансно репрезентирует характеристики формы ИТ, воссоздавая специфику сонета шекспировского образца, сохраняя метрическую основу, рисунок рифмы (abab cdcd efef gg) и единство строфы оригинала, что не искажает системы его внутристиховых и межстиховых связей, консонансно передает цельность и связность ИТ, репрезентирует в русской культуре специфику шекспировской сонетной формы.

LXVI

Измучась всем, я умереть хочу.
Тоска смотреть, как мается бедняк,
И как шутя живется богачу,
И доверять, и попадать впросак,
И наблюдать, как наглость лезет в свет,
И честь девичья катится ко дну,
И знать, что ходу совершенствам нет,
И видеть мощь у немощи в плену,
И вспоминать, что мысли заткнул рот,
И разум сносит глупости хулу,
И прямодушье простотой слывет,
И доброта прислуживает злу.
Измучась всем, не стал бы жить и дня,
Да другу трудно будет без меня.

(Пер. Б.Л. Пастернака) [63. С. 77–79]

В отличие от В.Г. Бенедиктова Б.Л. Пастернак воссоздает также обрамление («Измучась всем») и полисиндетон, передавая тем самым характерные особенности структуры оригинала, эксплицирующей художественную идею автора, и репрезентируя в русской культуре своеобразие его художественного мышления. Необходимо отметить, что Б.Л. Пастернак консонансно репрезентирует и сдержанную тональность оригинала, не изменяя его эмотивности, что также отличает данный вариант перевода от ПТ1.

Общей чертой рассматриваемых переводов является сохранение олицетворения и антитезы как принципа организации системы образов ИТ. Так, названные в оригинале ценности и их антиподы олицетворяются и интерпретируются Б. Пастернаком в образах «бедняка» и «богача», «наглости», «чести», «совершенств», «мощи» и «немощи», «мысли», «разума», «глупости», «прямодушья» и «простоты», «добра» и «зла». Однако если В.Г. Бенедиктов прибегает к конкретизации, то Б.Л. Пастернак передает абстрактный характер образов, используя, аналогично оригиналу, преимущественно абстрактные существительные. Если в процессе осмысления и трансляции системы образов ИТ в сознании В.Г. Бенедиктова происходят их детализация и дополнительное развитие, то Б.Л. Пастернак передает лаконизм вербального мышления автора за счет точно подобранных глаголов («слывет», «прислуживать»), а также краткости и образности устойчивых оборотов («попадать впросак», «лезть в свет», «не давать ходу», «катиться ко дну», «заткнуть рот», «(находиться) в плену», «сносить хулу»). Важно отметить, что переводчик передает и такую особенность структуры ИТ, как синтаксический параллелизм, репрезентируя тем самым важную характеристику художественного вербального мышления автора. Подобно

оригиналу, мысль, высказанная в ключе ПТ2, актуализируется с помощью обрамления и сослагательного наклонения, но является более конкретизированной относительно оригинала.

Таким образом, на основании сопоставительного анализа ИТ и ПТ2 можно сделать вывод, что в переводе, выполненном Б.Л. Пастернаком, репрезентируются специфика художественной языковой формы оригинала, его образность, идейно-эмотивная основа. Это обуславливает высокую степень транслированности его типологических свойств, вследствие чего ПТ2 можно отнести к консонансному типу художественного перевода. Он характеризуется репрезентированностью типологической доминанты текста в единстве всех его свойств. Консонансное «преломление» поэтичности оригинала при переводе обуславливается глубоким пониманием сущности ИТ, высокой степенью освоенности его идейности, эмотивности, образности и специфики художественной формы. Это означает, что на этапе предпереводческого анализа ИТ была создана консонансная оригиналу ментальная модель его поэтичности и преодолены трудности понимания целостности ИТ, связанные с гетерогенностью сознаний автора и переводчика. При консонансном переводе преодолеваются трудности объективации сформированной модели посредством ПЯ, возникающие вследствие гетерогенности языков, стиховых традиций и культур.

Заключение

В целом сопоставительный анализ художественного произведения и его перевода в соотношении с понятием поэтичности позволяет учитывать целостность оригинала в единстве его формы и содержания, а также специфику художественной деятельности, в процессе которой он порождается. Кроме того, использование понятия поэтичности в качестве принципа сопоставительного анализа ИТ и ПТ дает возможность изучить основные свойства оригинала, формирующие во взаимосвязи его сущность и индивидуальность, рассмотреть способы их репрезентации в ПТ и определить степень их транслированности и изменения. Это способствует определению типа «преломления» сущности ИТ в ПТ и типа художественного перевода, к которому может быть отнесен ПТ. В итоге это позволяет сделать вывод о «преломлении» сущности оригинала и возможности ее постижения читателями в принимающей культуре. Сопоставительный анализ ИТ и ПТ в соотношении с понятием поэтичности позволяет учитывать многогранность переводческой деятельности и зависимость качества ее результата от языковых, личностных, культурных, временных, коммуникативно-прагматических факторов. Он может быть использован для разработки понятия «переводческий метод», сравнительного исследования своеобразия индиви-

дуальных переводческих методов, изучения «преломления» сущности произведений художественной литературы в различных национальных культурах.

Литература

1. **Борисова Е.Б.** Художественный образ в английской литературе XX века: типология – лингвопоэтика – перевод : дис. ... д-ра филол. наук. Самара, 2010. 383 с.
2. **Казакова Т.А.** Художественный перевод: в поисках истины. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. 224 с.
3. **Карпухина В.Н.** Конструирование лингвистической реальности при смене семиотического кода культуры : дис. ... д-ра филол. наук. Пермь, 2013. 443 с.
4. **Куницына Е.Ю.** Лингвистические основы людической теории художественного перевода : дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 2010. 474 с.
5. **Мальцева И.Г.** Адекватность перевода цветовых концептов Г. Тракля на русский язык : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 374 с.
6. **Попович А.** Проблемы художественного перевода. М. : Высш. шк., 1980. 199 с.
7. **Проскурин Е.Г.** Когнитивная лакуарность текста как проблема межкультурной коммуникации : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. 146 с.
8. **Псурцев Д.В.** Смыслоформирование художественного текста: теоретические основания лингвостилистического подхода : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 499 с.
9. **Соколовский Я.В.** Соотношение оригинала и перевода художественного текста: изоморфно-когнитивный подход : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2009. 21 с.
10. **Степаненко Е.В.** Культурологические аспекты перевода македонской драмы на русский язык (на материале пьес Горана Стефановского) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 19 с.
11. **Фёдоров А.В.** Искусство перевода и жизнь литературы. Л. : Сов. писатель, 1983. 194 с.
12. **Чуковский К.И.** Высокое искусство. М. : Сов. писатель, 1988. 350 с.
13. **Диего Э.** По доброй воле и со скромной надеждой // Перевод – средство взаимного сближения народов. М. : Прогресс, 1987. С. 183–187.
14. **Айтматов Ч.** Перевод – дитя любви // Перевод – средство взаимного сближения народов. М. : Прогресс, 1987. С. 172–175.
15. **Тувим Ю.** Четверостишие на верстаке // Перевод – средство взаимного сближения народов. М. : Прогресс, 1987. С. 416–426.
16. **Тургенев И.С.** «Фауст», трагедия, соч. Гёте. Перевод М. Вронченко // Перевод – средство взаимного сближения народов. М. : Прогресс, 1987. С. 70–72.
17. **Гумилёв Н.С.** Переводы стихотворные // Сочинения : в 3 т. Т. 3: Письма о русской поэзии. М. : Худож. лит., 1991. С. 28–33.
18. **Лозинский М.Л.** Искусство стихотворного перевода // Перевод – средство взаимного сближения народов. М. : Прогресс, 1987. С. 91–106.
19. **Автономова Н.С.** Познание и перевод. Опыты философии языка. М. : Российская политическая энциклопедия, 2008. 704 с.
20. **Алексеева Л.М.** Теория эквивалентности перевода как теория об относительности // Стереотипность и творчество в тексте : межвуз. сб. науч. тр. Перм. гос. ун-та. Пермь, 2000. С. 64–83.
21. **Алексеева Л.М.** Перевод как рефлексия деятельности // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 1 (7). С. 45–51.
22. **Алексеева Л.М., Шутёмова Н.В.** Типология перевода. Пермь : Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 2012. 198 с.
23. **Алексеева Л.М.** Специфика научного перевода. Пермь : Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 2013. 125 с.

24. *Алексеева Л.М., Шутёмова Н.В.* Типологическая доминанта текста в переводе. Пермь : Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 2016. 204 с.
25. *Бибихин В.В.* Слово и событие. М. : Едиториал УРСС, 2001. 280 с.
26. *Галеева Н.Л.* Параметры типологии художественных текстов в деятельностной теории перевода : дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 1999. 352 с.
27. *Кузьмина Н.А.* Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2009. 228 с.
28. *Кушнина Л.В.* Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства. Пермь : Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2009. 196 с.
29. *Кушнина Л.В.* Перевод как синергетическая система // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 3 (15). С. 81–86.
30. *Лунькова Л.Н.* Интертекстуальность художественного текста: оригинал и перевод : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 35 с.
31. *Минченков А.Г.* Когниция и эвристика в процессе переводческой деятельности. СПб. : Антология, 2007. 256 с.
32. *Нестерова Н.М.* Вторичность как онтологическое свойство перевода : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Пермь, 2005. 42 с.
33. *Разумовская В.А., Гришаева Е.Б.* Метафоричность художественного образа: культурная память и перевод // Язык и культура. 2019. № 46. С. 6–23.
34. *Сорокин Ю.А.* Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М. : Гнозис, 2003. 160 с.
35. *Фесенко Т.А.* Перевод в зеркале когнитивной науки // С любовью к языку : сб. науч. тр. Москва ; Воронеж : ИЯ РАН, Воронеж. гос. ун-т, 2002. С. 65–71.
36. *Gutt E.-A.* Translation and Relevance. Manchester ; Boston : St. Jerome, 2000. 271 p.
37. *Hatim B., Mason I.* The Translator as Communicator. L. : Routledge, 1997. 244 p.
38. *Lederer M.* The Role of Cognitive Complements in Interpreting // Interpreting – Yesterday, Today, and Tomorrow. ATA Scholarly Monograph Series. 1990. Vol. IV. P. 53–60.
39. *Malmkjar K.* Linguistics and the Language of Translation. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2005. 208 p.
40. *Pugliese C.* Translation as Cultural Transfer: Challenges and Constraints. Roma : Aracne, 2005. 158 p.
41. *Seleskovitch D., Lederer M.* Interpréter pour traduire, Paris : Didier Erudition, 1984. 311 p.
42. *Steele S.* The Translating Mind: Translation as a Game. QuiEdit di S.D.S. snc Verona, Italy, 2005. 143 p.
43. *Steiner G.* After Babel. Aspects of language and translation. Oxford : Oxford University Press, 1988. 539 p.
44. *Venuti L.* Retranslations: The Creation of Value // Translation and Culture / ed. by K.M. Faull. Bucknell University Press, 2004. P. 25–38.
45. *Богатырева Е.Д.* Художественный перевод как интерпретация : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 19 с.
46. *Мальцева И.Г.* Адекватность перевода цветовых концептов Г. Тракля на русский язык : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 374 с.
47. *Нуждова Е.Н.* Лексическая репрезентация концепта «ЛЮБОВЬ» в переводах лирики А.С. Пушкина на английский и французский языки : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 21 с.
48. *Огнева Е.А.* Когнитивно-сопоставительное моделирование концептосферы художественного текста: на материале перевода русской прозы на французский и английский языки : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2009. 42 с.
49. *Davis A.* Collaborator: Ezra Pound, Translation, and Appropriation // Modernist Cultures. Edinburgh University Press, 2019. Vol. 14, is. 1. P. 17–35.
50. *Data-Bukowska E.* Translating What is Blurred: Evidence from Swedish-to-Polish Translations // Meaning in Translation: illusion of Precision. 2016. P. 435–452.

51. **Filanti R.** «The Murder and the Echo»: How Meaning Reverberates in Translation // *Meaning in Translation: Illusion of Precision*. Cambridge Scholars Publishing, 2016. P. 321–335.
52. **Hvelplund K.T.** Digital Resources in the Translation Process – Attention, Cognitive Effort and Processing Flow // *Perspective Studies in Translatology*. 2019. Vol. 27, is. 4. P. 510–524.
53. **Mossop B.** «Intersemiotic Translating» Time for a Rethink? // *Translation and Interpreting Studies*. 2019. Vol. 14, is. 1. P. 75–94.
54. **Prencipe V.** Translation Universals: Assets and Limits of Research Methodology // *Translation Studies and Translation Practice: Proceedings of the 2nd International TRANSLATA Conference*, 2014. Pt 2. N.Y. : Peter Lang Edition, 2017. P. 35–44.
55. **Walter K.** Zur Versprachlichung und Übersetzung des Nationsbegriffs bei Joyce und Yeats // *Translation Studies and Translation Practice: Proceedings of the 2nd International TRANSLATA Conference*, 2014. Pt 2. N.Y. : Peter Lang Edition, 2017. P. 187–195.
56. **Wang S.** Transcontinental Revolutionary Imagination: Literary Translation between China and Brazil (1952–1964) // *Cambridge Journal of Postcolonial Literary Inquiry*. 2019. Vol. 6, is. 1. P. 70–98.
57. **West T.** Justo Sierra O'Reilly and John L. Stephens: Translation, History, and Translational Romanticisms in the Americas // *Journal of Latin American Cultural Studies*. 2019. Vol. 28, is. 1. P. 83–96.
58. **Роднянская И.Б.** Художественность // *Литературный энциклопедический словарь*. М. : Сов. энциклопедия, 1987. С. 489–490.
59. **Shakespeare W.** Sonnet LXVI // *Английская поэзия в русских переводах (XIV–XIX века)* : сб. / сост. М.П. Алексеев и др. М. : Прогресс, 1981. С. 76–78.
60. **Hornby A.S.** Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Moscow : Moscow Language Publishers ; Oxford : Oxford University Press, 1982. Vol. I. 510 p.; Vol. II. 527 p.
61. **Англо-русский синонимический словарь** / Ю.Д. Апресян и др. М. : Рус. яз., 1979. 544 с.
62. **Шекспир В.** Сонет 66. Пер. В.Г. Бенедиктова // *Английская поэзия в русских переводах (XIV–XIX века)* : сб. / сост. М.П. Алексеев и др. М. : Прогресс, 1981. С. 626–627.
63. **Шекспир В.** Сонет LXVI. Пер. Б.Л. Пастернака // *Английская поэзия в русских переводах (XIV–XIX века)* : сб. / сост. М. П. Алексеев и др. М. : Прогресс, 1981. С. 77–79.

Сведения об авторе:

Шутёмова Наталья Валерьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и перевода, профессор кафедры лингводидактики, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь, Россия). E-mail: lingconf14@mail.ru

Поступила в редакцию 18 марта 2020 г.

COMPARATIVE ANALYSIS OF SOURCE AND TARGET TEXTS IN REFERENCE WITH THE NOTION OF POETICITY

Shutemova N.V., D.Sc. (Philology), Professor, Department of Linguistics and Translation, Department of Linguodidactics, Perm State University (Perm, Russia). E-mail: lingconf14@mail.ru

DOI: 10.17223/19996195/50/10

Abstract. The paper considers the comparative analysis of ST and TT in reference with the notion of poeticity which is correlated with the philosophical notion of essence. It is defined as the typological dominant of the literary text and studied on the basis of two main princi-

ples: firstly, the specific character of the artistic activity during which literary texts are generated, secondly, the integrity of a text's form and content. In this aspect the typological dominant of the literary text is regarded as the unity of its typological properties including its artistic idea, emotivity, imagery and artistic lingual form. The purpose of the comparative analysis on this ground is to investigate, how the ST essence is represented in the target culture. The representation of the ST poeticity in the TT is considered to be one of the main principles of the comparative analysis used in theory, practice, criticism, didactics and history of literary translation. Methodologically the research is based on theoretical poetics, developed in philosophical, aesthetic, linguistic and literary aspects, as well as on cognitive-discursive and hermeneutic theories in Translation Studies. The author of the paper describes the stages of the comparative analysis, demonstrating it with the example of sonnet LXVI by W. Shakespeare in Russian translations by V. Benediktov and B. Pasternak. At the first stage of the comparative analysis the ST artistic ideas, emotivity, imagery and lingual form are investigated. It is revealed that the ST expresses the feeling of mortal fatigue caused by the depreciation of eternal values, that is realized in a system of images based on personification and opposition, and is objectified in a sonnet of Shakespearean model, the individual structure of which is characterised with framing, polysyndeton, syntactic parallelism, antithesis, and metaphor, which in whole constitutes the ST poeticity. At the second stage we consider the way the ST properties are constructed by translators and characterise the degree of their representation in two TTs. On this ground the latter are assigned to different types of literary translation: dissonant and consonant. It was revealed that the ST essence is fully represented the TT2 by B. Pasternak, who conveys the ST idea, emotiveness, imagery and artistic form consonantly. In the TT1 the ST essence is "refracted" dissonantly, because V. Benediktov changes the ST emotivity, laconic and abstract character of its imagery, reduces main characteristics of the ST form. The author of the paper outlines the perspectives of applying the notion "poeticity" in the comparative analysis of ST and TT in Translation Studies.

Keywords: literary translation; essence; typological dominant of the text; poeticity; artistic idea; emotivity; imagery; artistic form; comparative analysis of ST and TT; "refraction".

References

1. Borisova Ye.B. Khudozhestvennyj obraz v angliyskoy literature XX veka: tipologiya – lingvopoetika – perevod. Diss. doct. filol. nauk [Artistic image in English literature of the 20th century. Doct. philol. sci. diss.]. Samara, 2010. 383 p.
2. Kazakova T.A. Khudozhestvennyj perevod: v poiskakh istiny [Literary Translation: Seeking for Truth]. Saint-Petersburg, Saint-Petersburg State University Publ., 2006. 224 p.
3. Karpukhina V.N. Konstruirovaniye lingvisticheskoy real'nosti pri smene semioticheskogo koda kultury. Diss. doct. filol. nauk [Constructing the linguistic reality under the change of a semiotic code of culture. Doct. philol. sci. diss.]. Perm, 2013. 443 p.
4. Kunitsyna Ye.Yu. Lingvisticheskiye osnovy lyudicheskoy teorii khudozhestvennogo perevoda. Diss. doct. filol. nauk [Linguistic foundations of the ludic theory of literary translation. Doct. philol. sci. diss.]. Irkutsk, 2010. 474 p.
5. Mal'tseva I.G. Adekvatnost' perevoda tsvetovykh kontseptov G. Traklya na russkij yazyk. Diss. kand. filol. nauk [Adequacy in translation of color concepts of G. Trakl into Russian. Kand. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2008. 374 p.
6. Popovich A. Problemy khudozhestvennogo perevoda [Issues of literary translation]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1980. 199 p.
7. Proskurin Ye.G. Kognitivnaya lakunarnost' teksta kak problema mezhkulturnoy kommunikatsii. Diss. kand. filol. nauk [Text cognitive lacunas as an issue in intercultural communication. Cand. philol. sci. diss.]. Barnaul, 2004. 146 p.
8. Psurtsev D.V. Smysloformirovaniye khudozhestvennogo teksta: teoreticheskiye osnovaniya lingvisticheskogo podkhoda. Diss. dokt. filol. nauk [Sense formation of the literary

- text: theoretical foundations of linguostylistic study. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2009. 499 p.
9. Sokolovskij Ya.V. Sootnosheniye originala i perevoda khudozhestvennogo teksta: izomorfno-kognitivnyj podkhod. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Comparison of ST and TT in literary translation: isomorphic-cognitive aspect. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Irkutsk, 2009. 21 p.
 10. Stepanenko Ye.V. Kulturologicheskiye aspekty perevoda makedonskoy dramy na russkiy yazyk (na materiale p'yesh Gorana Stefanovskogo). Avtoreferat diss. kand. filol. nauk. [Culturological aspect of translation of Macedonian drama into Russian (based on a case study of plays by G.Stefanovsky). Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2007. 19 p.
 11. Fyodorov A.V. Iskuststvo prevoda i zhizn' literatury [Art of translation and life of belles-lettres]. Leningrad, Soviet Writer Publ., 1983. 194 p.
 12. Tchukovskiy K.I. Vysokoye iskuststvo [High Art]. Moscow, Soviet Writer Publ., 1988. 350 p.
 13. Diego E. Po dobroy vole i so skromnoy nadezhday [With good will and modest hope] // *Perevod – sredstvo vzaimnogo sblizheniya narodov*. M.: Progress, 1987. pp. 183–187.
 14. Aitmatov Ch. Perevod – ditya lyubvi [Translation – child of love] // *Perevod – sredstvo vzaimnogo sblizheniya narodov*. M.: Progress, 1987. pp. 172–175.
 15. Tuvim Yu. Chetverostishiye na verstake [Quatrain on workbench] // *Perevod – sredstvo vzaimnogo sblizheniya narodov*. M.: Progress, 1987. pp. 416–426.
 16. Turgenev I.S. «Faust», tragediya, soch. Gyote. Perevod M. Vronchenko [«Faust», tragedy, written by Goethe. Translated by M. Vronchenko] // *Perevod – sredstvo vzaimnogo sblizheniya narodov*. M.: Progress, 1987. pp. 70–72.
 17. Gumilyov N.S. Perevody stokhotvornye [Translations in verse] // *Perevod – sredstvo vzaimnogo sblizheniya narodov*. M.: Progress, 1987. pp. 28–33.
 18. Lozinskiy M.L. Iskuststvo stikhotvornogo perevoda [Art of verse translation] // *Perevod – sredstvo vzaimnogo sblizheniya narodov*. M.: Progress, 1987. pp. 91–106.
 19. Avtonomova N.S. Poznaniye i perevod. Opyty filosofii yazyka [Cognition and translation. Experience in philosophy of language]. Moscow, Rossiyskaya Politicheskaya Entsiklopediya Publ., 2008. 704 p.
 20. Alekseeva L.M. Teoriya ekvivalentnosti perevoda kak teoriya ob otnositelnosti [Theory of equivalence in translation as theory of relativity]. Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste [Stereotypes and creativity in the text]. Perm, Perm University Press, 2000. pp. 64–83.
 21. Alekseeva L.M. Perevod kak refleksiya deyatel'nosti [Translation as reflection on activity]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Pfilology], 2010. issue 1(7), pp. 45–51.
 22. Alekseeva L.M., Shutemova N.V. Tipologiya perevoda [Typology of Translation]. Perm: Perm University Press, 2012. 198 p.
 23. Alekseeva L. M. Spetsifika nauchnogo perevoda [Scientific translation]. Perm, Perm University Press, 2013, 125 p.
 24. Alekseeva L.M., Shutemova N.V. Tipologicheskaya dominanta teksta v perevode [Typological dominant of the text in translation]. Perm, Perm University Press, 2016. 204 p.
 25. Bibikhin V.V. Slovo i sobytiye [Word and event]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 280 p.
 26. Galeeva N. L. Parametry tipologii khudozhestvennykh tekstov v dejatel'nostnoy teorii perevoda. Diss. doct. filol. nauk [Parameters of literary texts typology in theory of translation as activity. Doct. philol. sci. diss.]. Tver, 1999. 352 p.
 27. Kuz'mina N.A. Intertext: tema s variatsiyami. Fenomeny kultury i yazyka v intertekstual'noi interpretatsii [Intertext: theme with variations. Phenomena of culture and language in intertextual interpretation]. Omsk, Omsk State University Publ., 2009, 228 p.

28. Kushnina L.V. Teorija garmonizacii: opyt kognitivnogo analiza perevodcheskogo prostanstva [Theory of harmonization: cognitive analysis of translation space]. Perm, Perm State Technical University Publ., 2009. 196 p.
29. Kushnina L.V. Perevod kak sinergeticheskaya sistema [Translation as Synergetic System]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2011. Issue 3(15), pp. 81–86.
30. Lun'kova L.N. Intertekstual'nost' khudozhestvennogo teksta: original i perevod. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk. [Intertextuality of the literary text: original and translation. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2011. 35 p.
31. Minchenkov A.G. Kognitsiya i evrisika v protsesse perevodcheskoj deyatel'nosti [Cognition in Translation Activity] St. Petersburg, Antologiya Publ., 2007. 256 p.
32. Nesterova N.M. Vtorychnost' kak ontologicheskoe svoystvo perevoda. Avtoreferat diss. doct. filol. nauk [The target text as a secondary text. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Perm, 2005, 42 p.
33. Razumovskaya V.A., Grishaeva E.B. Metaforichnost' khudozhestvennogo obraza: kulturnaya pamyat' i perevod [An artistic image metaphoricality: cultural memory and translation] // Yazyk i kul'tura. Vyp. 46. 2019. pp. 6–23.
34. Sorokin Yu.A. Perevodovedeniye: status perevodchika i psikhogermenevticheskiye protsedury [Translation Studies: translator's status and psychohermeneutic procedures]. Moscow, Gnozis Publ., 2003, 160 p.
35. Fesenko T.A. Perevod v zerkale kognitivnoy nauki [translation in the Mirror of Cognitive Science]. S lyubov'yu k yazyku [With love for the language]. Moscow, Voronezh: The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Voronezh State University, 2002, pp. 65 – 71.
36. Gutt E.-A. Translation and Relevance. Manchester; Boston: St. Jerome, 2000. 271 p.
37. Hatim B., Mason I. The Translator as Communicator. L.: Routledge. 1997. 244 p.
38. Lederer M. The Role of Cognitive Complements in Interpreting // Interpreting – Yesterday, Today, and Tomorrow, ATA Scholarly Monograph Series. Vol. IV. SUNY, 1990. pp. 53–60.
39. Malmkjar K. Linguistics and the Language of Translation/ Edinburgh: Edinburgh University Press, 2005. 208 p.
40. Pugliese C. Translation as Cultural Transfer: Challenges and Constraints. Roma: Aracne, 2005. 158 p.
41. Seleskovitch D., Lederer M. Interpréter pour traduire, Paris: Didier Erudition, 1984. 311 p.
42. Steele S. The Translating Mind: Translation as a Game. QuiEdit di S.D.S. snc Verona, Italy. 2005. 143 p.
43. Steiner G. After Babel. Aspects of language and translation. Oxford University Press, 1988. 539 p.
44. Venuti L. Retranslations: The Creation of Value // Translation and Culture / ed. by K.M. Faull. Bucknell University Press. 2004. pp. 25–38.
45. Bogatyreva Ye. D. Khudozhestvenny perevod kak interpretatsiya. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Literary translation as interpretation. Abstract of kand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2007. 19 p.
46. Mal'tseva I.G. Adekvatnost' perevoda tsvetovykh kontseptov G. Traklya na russkiy yazyk: diss. ... kand. filol. nauk. Yekaterinburg, 2008. 374 p.
47. Nuzhdova Ye.N. Leksicheskaya reprezentatsiya kontsepta «Lyubov'» in translations of liriki A. S. Pushkina na angliyskiy i frantsuzskiy yazyki. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Lexical representation of the concept LOVE in translations of poetry by A. S. Pushkin into English and French. Abstract of kand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2008, 21 p.
48. Ogneva Ye. A. Kognitivno-sopostavitel'noye modelirovaniye kontseptosfery khudozhestvennogo teksta: na materiale perevoda russkoy prozy na frantsuzskiy i an-

- gliyskiy yazyki. Avtoreferat diss. dokt. filol. nauk [Cognitive-comparative modelling of the literary text conceptual sphere: based on the study of Russian prose in French and English translations. Abstract of dokt. philol. sci. diss.]. Belgorod, 2009. 42 p.
49. Davis A. Collaborator: Ezra Pound, Translation, and Appropriation // *Modernist Cultures*. Vol. 14. Issue 1. Edinburgh University Press, 2019. P. 17–35.
50. Data-Bukowska E. Translating What is Blurred: Evidence from Swedish-to-Polish Translations // *Meaning in Translation: illusion of Precision*, 2016. pp. 435–452.
51. Filanti R. «The Murder and the Echo»: How Meaning Reverberates in Translation // *Meaning in Translation: Illusion of Precision*. Cambridge Scholars Publishing, 2016. pp. 321–335.
52. Hvelplund K.T. Digital Resources in the Translation Process – Attention, Cognitive Effort and Processing Flow // *Perspective Studies in Translatology*. Vol. 27, Issue 4. Taylor & Francis, 2019. pp. 510–524.
53. Mossop B. «Intersemiotic Translating» Time for a Rethink? // *Translation and Interpreting Studies*. Vol. 14, Issue 1. John Benjamins Publishing Company, 2019. pp. 75–94.
54. Prencipe V. Translation Universals: Assets and Limits of Research Methodology // *Translation Studies and Translation Practice: Proceedings of the 2nd International TRANSLATA Conference*, 2014. Part 2. New York: Frankfurt am Main: Peter Lang Edition, 2017. pp. 35–44.
55. Walter K. Zur Versprachlichung und Übersetzung des Nationsbegriffs bei Joyce und Yeats // *Translation Studies and Translation Practice: Proceedings of the 2nd International TRANSLATA Conference*, 2014. Part 2. New York: Frankfurt am Main: Peter Lang Edition, 2017. pp. 187–195.
56. Wang S. Transcontinental Revolutionary Imagination: Literary Translation between China and Brazil (1952–1964) // *Cambridge Journal of Postcolonial Literary Inquiry*. Vol. 6. Issue 1. Cambridge University Press, 2019. pp. 70–98.
57. West T. Justo Sierra O'Reilly and John L. Stephens: Translation, History, and Translational Romanticisms in the Americas // *Journal of Latin American Cultural Studies*. Vol. 28. Issue 1. Routledge, 2019. pp. 83–96.
58. Rodnyanskaya I.B. Khudozhestvennost' [Artisticity] // *Literaturnyj entsiklopedicheskij slovar'* [Encyclopaedic dictionary on literature]. Moscow, Soviet Encyclopaedia, 1987. pp. 489–490.
59. Shakespeare W. Sonnet LXVI // *Angliyskaya poeziya v russkikh perevodakh (XIV – XIX veka)*. Sbornik. Sost. M.P. Alekseev i dr. na angl. i russk. yaz. M.: «Progress», 1981. pp. 76–78.
60. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English, Moscow: Moscow Language Publishers; Oxford: Oxford University Press. 1982, V.I. 510 p. V.II. 527 p.
61. Anglo-russkiy sinonimicheskij slovar' [English – Russian dictionary of synonyms] / Yu.D. Apresyan i dr. M.: Rus. yaz., 1979. 544p.
62. Shakespeare W. Sonnet 66. Translated by V.G. Benediktov // *Angliyskaya poeziya v russkikh perevodakh (XIV – XIX veka)*. Sbornik. Sost. M.P. Alekseev i dr. Na angl. i russk. yaz. M.: «Progress», 1981. pp. 626–627.
63. Shakespeare W. Sonnet LXVI. Translated by B.L. Pasternak // *Angliyskaya poeziya v russkikh perevodakh (XIV – XIX veka)*. Sbornik. Sost. M.P. Alekseev i dr. Na angl. i russk. yaz. M.: «Progress», 1981. pp. 77–79.